

**ПЕРЕПИСКА ИММАНУИЛА КАНТА
И МОИСЕЯ МЕНДЕЛЬСОНА**

Осенью 2006 г. в РГУ им. И. Канта был объявлен конкурс среди студентов на лучший перевод писем И. Канта к М. Мендельсону и М. Мендельсона к И. Канту. Он был организован университетом и немецким культурным центром им. Гёте в Санкт-Петербурге при финансовой поддержке фонда «Цайт». В конкурсе приняли участие студенты факультета лингвистики и межкультурной коммуникации и исторического факультета (кафедра философии и логики). Награждение победителей конкурса состоялось 5 октября 2006 г. в конференц-зале РГУ им. И. Канта. Дипломы им вручал генеральный консул ФРГ в Калининграде г-н Гидо Херц. Лучшие из переводов, представленных на конкурс (под общей редакцией проф. И.Д. Кошцева), предлагаются читателю.

Редколлегия

Кант — Мендельсону, от 7 февраля 1766 г.

Милостивый государь!

Между людьми, образ мыслей коих благодаря сходству умственных занятий и тождеству принципов совпадает, не должно быть места церемониям, подобным тем, что диктуются модой. Я был рад, получив Ваше любезное послание, и с удовольствием принимаю Ваше предложение касательно продолжения нашей переписки. Высокочтимый Мендель Кошманн (Koschmann) препроводил ко мне еврейского студента Леона вместе с Вашими рекомендациями. Я весьма охотно позволил ему посещать мои лекции и оказал ему другие любезности. Однако по прошествии нескольких дней он явился ко мне и объявил, что желает воспользоваться возможностями, предоставляемыми ныне торговыми сношениями с Польшей, и навестить своих близких, имея намерение вернуться вновь сюда к Пасхе. Мне представляется, что он по причине своего несколько небрежного отношения к соблюдению предписываемых обрядов показал себя в глазах здешней еврейской общины не с самой лучшей стороны. Но так как он в ней нуждается, то не дадите ли Вы ему по такому случаю надлежащих наставлений на будущее; правда, о некоторых из оных, диктуемых благоразумием, я уже предварительно позволил себе ему напомнить.

С дорожной почтой я выслал Вам свои «Грезь»¹ и покорнейше прошу, соблаговолив оставить один экземпляр для себя, распорядиться передать ос-

¹ «Грезы духовидца, проясненные грезами метафизики» — сочинение И. Канта, написанное в конце 1765 г. и направленное против мистика Э. Сведенборга (Swedenborg).

тальные следующим господам: придворному пастору Заку², старшему советнику консистории³ Шпальдингу⁴, проповеднику Зюсмилху⁵, проф. Ламберту⁶, проф. Зюльцеру⁷ и проф. Формею⁸. Речь идет о в некоторой мере вынужденном сочинении, содержащем скорее краткий набросок того, как надлежит судить о подобного рода предметах, нежели само изложение оных. Ваше мнение в данном, а равно как и в других случаях для меня весьма ценно. Весьма полезным и приятным будет также для меня узнавать от Вас о местных научных новостях, а равно как благодаря Вашему посредничеству заводить новые знакомства с лучшими умами Вашего окружения. А я в свою очередь льщу себя надеждой, что сообщил Вам нечто весьма приятное, и остаюсь с искренним уважением к Вам, милостивый государь,

Ваш покорнейший слуга.

И. Кант.

Перевод с немецкого О. В. Петшиевой

Мендельсон — Канту, от 25 декабря 1770 г.

Высокоблагородный государь!

И высокочтимый господин профессор!

Господин Маркус Герц, который благодаря Вашим лекциям, а в еще большей степени — как он сам уверяет — Вашему мудрому общению с ним, став философом, успешно продолжает карьеру, начатую на Ваших глазах. И до тех пор, пока моя дружба с ним будет способствовать его дальнейшему продвижению, ему нечего беспокоиться. Я искренне привязан к нему и почти ежедневно испытываю удовольствие от общения с ним. Вы правы, природа щедро одарила его. Он обладает ясным рассудком, добрым нравом, умеренным тщеславием и определенной утонченностью духа, которая, как кажется, свойственна вообще нации.

Между тем какое счастье для него, что эти природные задатки столь своевременно были направлены на стезю истины и добра! Как многие из тех, кто

Emanuel, 1688—1772), первоначально вышло анонимно, но авторство скоро было открыто, так как Кант не слишком старался сохранить свое инкогнито.

² Зак (Sack), Август Фридрих (1703—1786) — берлинский проповедник, в своих проповедях стремился объединить религию и философию.

³ Консистория — в протестантизме — церковно-административный орган.

⁴ Шпальдинг (Spalding), Иоганн Иоахим (1714—1804) — немецкий протестантский теолог, философ, автор манифеста немецкой просвещенческой теологии; был пастором и проповедником в Берлине, затем членом высшей консистории.

⁵ Зюсмилх (Süsmilch), Иоганн Петер (1707—1767) — немецкий демограф, богослов.

⁶ Ламберт (Lambert), Иоганн Генрих (1728—1777) — знаменитый немецкий философ, логик, математик и астроном.

⁷ Зюльцер (Sultzer), Иоганн Георг (1720—1779) — немецкий философ, эстетик и педагог просветительской ориентации.

⁸ Формей (Formey), Иоганн Генрих Самуэль (1771—1797) — писатель, сын французского протестанта, бежавшего в Германию. Был пастором в Берлине, профессором философии в Берлинской французской коллегии и секретарем Берлинской академии наук.

не имел подобного счастья, оказались предоставленными самим себе в этом безбрежном море истины и заблуждения и вынуждены были после множества попыток, истратив свои лучшие годы и лучшие силы, оказаться в конечном итоге лишенными и времени, и сил, чтобы после долгих блужданий продвигаться по найденному, наконец, ими пути. О, если бы мне по достижении моего 20-летнего возраста повстречался бы такой друг, как Кант!

С величайшим нетерпением взял я в руки Вашу диссертацию⁹ и прочел ее с чрезвычайным удовольствием, несмотря на то что я уже с давних пор по причине ослабленной нервной системы едва ли в состоянии с надлежащим вниманием осмыслить что-либо спекулятивное подобного достоинства.

Чувствуется, что это небольшое сочинение — плод весьма долгих размышлений и что его следует рассматривать как часть некоей системы, что столь свойственно ее автору и о чем он пожелал пока поведать лишь в форме опытов. Кажущаяся темнота, оставшаяся еще кое-где, говорит опытному читателю о необходимости учитывать целое, которое еще пока, правда, не представлено.

Между тем для пользы самой метафизики, которая, к сожалению, столь низко пала, хотелось бы пожелать, чтобы Вы не слишком долго затягивали с остальной частью Ваших размышлений. Жизнь человеческая коротка, и как быстро застает нас врасплох ее конец, когда мы все еще намереваемся сделать ее лучше. И почему Вы так боитесь повторить то, что было уже до Вас сказано? Ведь старое, будучи связано с вашими собственными мыслями, всегда проявляет себя с новой стороны и предоставляет порой такие возможности, о которых даже и не помышляешь. Впрочем, имея в виду Ваше умение писать для большого круга читателей, можно надеяться, что Вы не всегда будете ограничиваться небольшим числом избранных, жаждущих видеть только новое и умеющих по полунамекам угадать недосказанное.

Но так как я не могу причислить себя к их числу, то я не осмеливаюсь сообщить Вам все те мысли, которые вызвала у меня Ваша диссертация. Все же позвольте мне изложить только те, которые относятся скорее к частностям и не затрагивают Ваши основные идеи.

С. 2—3. Мысли, сходные с Вашими о бесконечном внутри протяженной величины, хотя они и не изложены с такой ясностью, можно встретить во втором издании «Философских сочинений», которые в настоящее время находятся в печати и один экземпляр которых я буду иметь честь переслать Вам. Господин Герц может подтвердить, что все уже было подготовлено к печати, когда я ознакомился с Вашим сочинением. И я тотчас же высказал ему свое удовлетворение тем, что ученый муж вашего масштаба мыслит в данном пункте точно так же, как и я.

С. 11. Вы причисляете лорда Шефтесбери к тем, кто, по крайней мере отдаленно, следует за Эпикуром. Однако я до сих пор полагал, что необходимо строго различать между моральным инстинктом лорда и сладострастьем Эпикура. Первое является для англичанина всего лишь врожденной способностью различать добро и зло с помощью простого чувства. Однако для Эпи-

⁹ Речь идет о профессорской диссертации И. Канта «О форме и принципах чувственного и умопостигаемого мира» (*«De mundi sensibilis atque intelligibilis forma et principiis»*), которую философ защитил в 1770 г.

кура сладострастье — не только критерий добра, но и сама сущность добра (*summum bonum*).

С. 15. Что означает словечко «*post*» и т. д. Данная трудность, кажется мне, обусловлена не столько неправильностью понятия, сколько бедностью языка. Хотя словечко «*post*» и имело первоначально значение временной последовательности (*Zeitfolge*), тем не менее с его помощью можно обозначить порядок, благодаря которому существуют две действительные вещи «А» и «Б», из которых «А» не может быть ничем иным, как тем, чем «Б» не является. Одним словом — порядок, при котором две вещи, противоречащие друг другу непосредственно или гипотетически, тем не менее могут наличествовать (*dennoch vorhanden sein können*). Вы можете сказать, что «если» или «тем, что» — чего я не могу избежать — опять-таки предполагают наличие идеи времени. — Ну, хорошо! Давайте, если Вы желаете, избегать и этого словечка. Я начну с нижеследующего определения:

«А» и «Б», оба действительны и оба суть непосредственные (или одинаково опосредованные) следствия (*rationata*). Я называю это гипотетически совместимые вещи (*compossibilia secundum quid*); если же они суть не одинаковым образом опосредованные следствия или умозаключения (*rationata*), то я называю их как гипотетически несовместные.

Итак, я продолжаю.

Гипотетически совместные вещи (вещи, которые и в этом мире одинаково возможны) существуют одновременно (*simultanea*); гипотетически же несовместимые действительные вещи следуют друг за другом, а именно так, что ближняя предшествует, а более дальняя следует за ней. В этом случае, я надеюсь, нет и речи о том, что идея времени предшествует. Во всяком случае, это в большей мере зависит от языка, нежели от мысли.

То, что время есть нечто субъективное, — я с этим не могу по многим причинам согласиться. Ведь сукцессивность есть, по крайней мере, необходимо условие представлений конечных духовных сущностей (*Geister*). Но конечные мыслящие сущности суть не только субъекты, но и объекты представлений как Бога, так и сопровождающих их сущностей. Тем самым следование друг за другом должно рассматривать как нечто объективное.

Впрочем, поскольку мы существуем, обладающим представлениями, в случае их изменения должны приписать следование во времени, то почему мы не можем сделать это по отношению к чувственным объектам, этим образцам или прообразам представлений в мире?

То, как Вы в данном способе представления времени (с. 17) находите порочный круг, — это мне непонятно. Время есть (согласно Лейбницу) феномен, как и всякое явление, нечто объективное и нечто субъективное. Субъективное в нем — *длительность* (*Kontinuität*), которую себе представляют, а объективное, напротив, есть последовательность изменений, одинаково равно удаленные от своего основания следствия (*rationata*).

С. 23. Я полагаю, что условие «в одно и то же время» (*eodem tempore*) не является необходимым для тезиса о непротиворечивости. В той мере, в какой это один и тот же субъект, предикаты «А» и «не-А» не могут быть сказаны о нем даже в разные моменты времени, а большего для понятия невозможного и не требуется, как только то, чтобы один и тот же субъект не обладал предикатами

«А» и «не-А». Это же можно сформулировать и иначе следующим образом: невозможно, чтобы предикат «не-А» был присущ субъекту с предикатом «А».

Я бы не осмеллся столь свободно судить о Вашего высокоблагородия сочинении, если бы не знал от господина Герца об истинно философском настроении вашего ума и если бы он не уверил меня, что Вы далеки от того, чтобы выражать неудовольствие по поводу подобной откровенности. Как бы ни был редок подобный характер среди поклонников, он все же всегда имеет обыкновение быть признаком, характерным для самостоятельно мыслящего ума. Тот, кто на себе испытал, как трудно найти истину и убедить себя в том, что нашел ее, тот всегда более склонен к терпимости по отношению к тому, кто думает иначе, чем он.

Имею честь быть с совершеннейшим уважением Вашего высокоблагородия и моего высокочтимого господина профессора
покорнейший и преданнейший слуга Моисей Мендельсон.

Берлин, 25 декабря 1770 г.

Перевод с немецкого Т. В. Федоровой

Кант — Мендельсону, от 13 июля 1778 г.

Высокочтимый друг!

С величайшим удовольствием я пользуюсь этой возможностью, пусть даже хотя бы только для того, чтобы выразить Вам свое почтение и от всей души пожелать Вам, чтобы Вы, обладая по причине веселого нрава здоровьем, и впредь наслаждались жизнью, о прожитой части коей Вы имеете все основания вспоминать с большим удовлетворением. Господин Жоэль¹⁰, который, полагая, что Вы питаете ко мне определенное доверие, и желая непременно заполучить для встречи с Вами мою рекомендацию, безусловно, достоин Вашей благосклонности и покровительства. Хотя он и не обладает столь превосходными талантами, как глубокоуважаемый господин Герц¹¹, но все же следует ожидать, что благодаря своему здравомыслию, прилежанию, добропорядочному образу жизни, а главное доброте своей души он может вскоре стать искусным и уважаемым врачом. Я уверен, что уже даже одни эти качества способны побудить Вас, мой высокочтимый друг, приложить усилия по оказанию содействия этому полному надежд юноше.

Состояние моего здоровья, поддерживать которое я могу единственно только посредством известного однообразия жизни и умственных занятий, лишило меня возможности самому выказать благодарность высокочтимому господину министру за его любезное обо мне мнение (не без Вашего, как я полагаю, благосклонного участия), а тем самым и возможности выразить Вам лично и господину Герцу свою преданность; делать это Вам как моему драгоценному другу я в состоянии буду и ныне, и впредь только в письменной форме, оставаясь верным и преданнейшим Вашим слугой.

И. Кант.

¹⁰ Жоэль (Joel), Мануэль — еврейский ученый, преподаватель Раввинской семинарии и раввин в Берлине.

¹¹ Герц (Herz), Маркус (1717—1803) — один из слушателей И. Канта, позже известный врач, затем профессор философии в Берлине.

Перевод с немецкого Т. В. Петешовой

Мендельсон — Канту, от 10 апреля 1783 г.

Досточтимый господин!

Имеющий честь передать Вам это письмо приходится сыном одному из лучших мужей, служащих великому Фридриху¹², и достойный отец, зная Вас, полагает, что моя рекомендация может прибавить весу сей важной рекомендации. А поскольку такая оценка моей значимости в Ваших глазах для меня весьма лестна, хотелось бы сохранить ее в глазах других хороших людей. И в Ваших, дражайший господин профессор! Ведь Вы действительно настолько меня любите, что можете позволить это моему самолюбию. Вам и без моих рекомендаций любой юноша, стремящийся к мудрости, дорог как собственный сын; а у этого молодого человека к тому же имеются при себе надежные отзывы, подтверждающие, что он достоин Вашего руководства.

Не помню точно кто, но кто-то из жителей Кёнигсберга несколько месяцев назад уверял меня в том, что этим летом Вы якобы приедете к нам и отсюда отправитесь в Пирмонт¹³ или в Спа¹⁴. Могут ли Ваши друзья надеяться на это? — В сущности, подобное путешествие, даже без купания и минеральных вод, должно пойти Вам на пользу, и, думается, Вы обязаны принести в жертву эскулапу свой покой и всю ту массу сомнений, которые выдвинет в качестве препятствия для поездки остроумная ипохондрия. В Берлине Вы нашли бы не только немало раскрытых объятий, но и несколько открытых сердец, и среди них — сердце того человека, который с восторгом славит Вас, не имея возможности следовать за Вами. Прошло уже несколько лет с тех пор, как я словно умер для метафизики. Мои слабые нервы не позволяют мне напряженно работать, так что пока я развлекаю себя менее утомительными занятиями и в следующий раз буду иметь удовольствие выслать Вам некоторые их результаты. Ваша «Критика чистого разума» также является для меня критерием здоровья. Всякий раз, когда я льщу себя надеждой, что силы мои прибавились, я могу отважиться на чтение этого сочинения, которое истощает все мои соки. Но меня не оставляет надежда на то, что мне удастся осмыслить его до конца еще в этой жизни.

Остаюсь —

Ваш Моисей Мендельсон

Берлин, 10 апреля 1783 г.

Перевод с немецкого Т. В. Петешовой

Мендельсон — Канту, от 16 октября 1785 г.

Досточтимый муж!

¹² Фридрих II Великий (1712—1786) — король Пруссии.

¹³ Пирмонт — бальнеогрязевый курорт в Германии (земля Нижняя Саксония).

¹⁴ Спа — бельгийский курорт, славился своими минеральными водами.

Я взял на себя смелость переслать Вам через книжное издательство «Фосс и сын» один экземпляр своих «Утренних часов, или Лекций о бытии Бога»¹⁵.

И хотя у меня уже недостаточно сил на то, чтобы изучить Ваши глубокомысленные сочинения с надлежащим усердием, мне все же известно, что мы расходимся в основных положениях. Однако мне известно и то, что Вы принимаете критику и, более того, любите ее даже больше, чем бездумное поклонение. И, насколько я Вас знаю, Вы своей Критикой стремитесь изгнать бездумное повторение из философии. Впрочем, Вы каждому оставляете право на собственное мнение и его публичное высказывание.

О мотивах к публикации этих «Утренних часов» я предпочел бы не говорить до появления 2-й части, чтобы сначала подготовить читателя к некоторым положениям, которые в том, что касается их последствий и влияния на читающую публику, вызвали во мне опасения. Господин Якоби опередил меня; он издал свое сочинение под названием «Об учении Спинозы в письмах к Мозесу Мендельсону», где данный повод содержится. В этом сочинении он обнаружил переписку между собой, мной и третьим лицом, в которой он (Якоби) стремится представить нашего Лессинга ярым спинозистом. Он утверждает, что познакомил Лессинга со спинозизмом, и тот нашел его соответствующим своим принципам и обрадовался тому, что якобы после долгих исканий ему, наконец, удалось обрести брата в пантеизме, который умеет так красиво освещать суть системы Всего-в-Одном и Одного-во-Всем.

Что касается его самого, то в итоге он возвращается под защиту веры и находит спасение и безопасность в бастиие благословенного Лафатера¹⁶, из «ангельски чистых» уст которого исходит приведенное в конце сочинения Якоби «утешительное» высказывание, которое не в состоянии дать мне утешение, потому что я его не понимаю. Да и все сочинение господина Якоби в целом — редкая смесь, почти чудовищное создание: с головой Гёте, телом Спинозы и ногами Лафатера.

Но что вообще в наше время дает право публично разглашать чью-то частную переписку, не спрашивая согласия у авторов писем, — для меня это непостижимо. Более того: оказывается, Лессинг признался ему, этому самому Якоби, в том, что мне, вот уже тридцать лет бывшему его самым близким другом из числа философов, он не открывал никогда свои истинные философские принципы. Возможно ли это, и если да, то как тогда Якоби смог себя побороть и открыл эту тайну своего покойного друга, и не только мне, от кого тот ее тщательно скрывал, но и всему миру? Сам-то он спасается, а своего друга оставляет нагим и безоружным в чистом поле, превращая его в жертву или объект насмешек для врагов. Я не могу смириться с таким образом действий, и мне хотелось бы узнать, что по этому поводу думают настоящие честные мужи. Боюсь, что у философии есть свои фанатики, которые преследуют столь же неистово и еще в большей степени нацелены на поиски сторонников, чем фанатики от положительной религии.

Моисей Мендельсон

¹⁵ «Утренние часы, или Лекции о бытии Бога» (1785) — резюме метафизических идей М. Мендельсона, книга о Лессинге и Спинозе.

Иереписка Иммануила Канта и Моисея Мендельсона

Перевод с немецкого Т. В. Петшиной